

четверть наступила теперь, и даже давно! Если старик вздумает прожить еще лет десяток, то может быть умрет пустынноиком. *Sic transit gloria mundi*»²¹

Статья П. А. Вяземского «Ферней» начинается цитатой о Вольтере из «Писем» Карамзина, затем описан Ферней; повествование прерывается размышлениями о Вольтере, скорей сочувственными, чем отрицательными. Напомнив о Карамзине, Вяземский сообщил, что и он, со своей стороны, «почел за приятную обязанность или должность побывать еще раз в Фернее. Посетил я его за несколько лет тому в первый мой проезд через Женеву. Вчера опять отправился я на поклонение». «Хотя я не вольтерианец, но и не бешеный антивольтерианец», — пишет Вяземский далее, полагая, что «все-таки в Вольтере найдется много, за что можно помянуть его не лихом, а добрым словом ... Может быть, даже ударились в противоположную крайность. Вольтера, может быть, вовсе не читают. Это жаль и несправедливо»²² и т. д. Тогда же возникло большое стихотворение Вяземского «Ферней» («На ум мне приходит владелец Фернея . . .»), отмеченное той же двойственностью восприятия личности и наследия фернейского мудреца, заканчивающееся следующей строфой:

И бросить ли камень в твой пепел остывший,
Боец, в битвах века растративший силы?
О, нет, не укором, а скорбью глубокой,
О немощах наших и в доле высокой,
Я, грешника славы, тебя помяну...²³

В июне 1859 г. в Ферней явился еще один обломок пушкинской поры — П. А. Плетнев,²⁴ еще позже (1876) А. В. Никитенко, которому «смотритель Вольтерова дома» сообщил, что «русских посетителей Фернея бывает очень много». Никитенко был весьма доволен своим посещением этого места, «куда, — пишет он в своем дневнике, — давно влекло меня желание поклониться тени чело- века, у которого было хорошее сердце, скверный характер и возвышенный ум с гением писателя» и прибавляет: «Что бы о нем ни думали и ни говорили, — а Европа обязана ему значительной частью своих успехов умственных и гражданских».²⁵

Это было не последнее путешествие в Ферней в XIX в. Их совершали и позже: «Хоть на несколько мгновений побывать там, где долгие годы провел в напряженном труде такой человек, взглянуть на его обстановку, перенестись на месте в его ощущения и думы, — сколько в этом привлекательного!..» — восклицал

²¹ М. Погодин. Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник, ч. IV. М., 1844, стр. 161—163.

²² П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1882, стр. 52—54.

²³ Там же, т. XI, СПб., 1887, стр. 324—326.

²⁴ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб., стр. 659.

²⁵ А. В. Никитенко. Дневник, т. 3. М.—Л., 1956, стр. 373.